

УДК 351.741:’’1927-1930’’
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-580-588

Рабоче-крестьянская милиция Острогожского округа Центрально-Черноземной области в начале «великого перелома»

В.Ю. Рылов, Е.А. Зверков

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1.
Воронежский институт МВД России,
394065, Россия, г. Воронеж, Проспект Патриотов, 53
E-mail: vyurylov@ya.ru, ZverkovPhD@yandex.ru

Аннотация. На протяжении почти трёх десятилетий – начиная с 1917 года – российская правоохранительная система подвергалась практически непрерывному реформированию. Качественная сторона реформ, направленная на оптимизацию деятельности советских ОВД, в течение 1920-х гг. не являлась, однако, приоритетным направлением. Гораздо большее значение имело следование формальным нормам «революционной законности» и превращения милиции в «народный» орган, для чего кадровый состав службы искусственно пополнялся рабочими, а в уездных (позднее – районных) городах – крестьянами. В рассматриваемой статье, посвященной милиции Острогожского округа Центрально-Чернозёмной области, рассматривается влияние описанных политических установок на качество деятельности милиции. На примере окружной милиции Острогожска исследуется влияние внешних и внутренних условий на функционирование правоохранительной системы – административной реформы 1928 года, растущего уровня преступности, проблем кадрового обеспечения милиции. Следствием сложившегося комплекса факторов стало ухудшение криминогенной ситуации в округе.

Ключевые слова: милиция; Воронеж; Центрально-Чернозёмная область; коллективизация.

Для цитирования: Рылов В.Ю., Зверков Е.А. 2020. Рабоче-крестьянская милиция Острогожского округа Центрально-Черноземной области в начале «великого перелома». *Via in tempore. История. Политология*, 47 (3): 580–588. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-580-588.

Workers' and peasants' militia of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region at the beginning «the great turning point»

Vladimir Yu. Rylov, Evgeny A. Zverkov

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394006, Russia
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
53 Patriotov ave., Voronezh, 394065, Russia

Abstract. The article is devoted to the main problems of the Soviet militia in the late 1920s. The renewal of the policy led to the complete replacement of the specialists of the tsarist police with representatives of the «people» – workers and peasants. The growth of negative trends in socio-economic development, which had a significant impact on the complication of the criminal situation, was imposed on the administrative reform of 1928. Thus, the police authorities had to restructure their activities and structure in accordance with the new administrative boundaries. The article analyzes the functioning of the police of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region in 1928, and examines the influence of the described factors on the quality of police activity. Authors study the influence of external and internal

conditions on the functioning of the law enforcement system – the administrative reform of 1928, the growing crime rate, and the problems of police staffing. As a result of this complex of factors, the criminal situation in the district has worsened.

Key words: militia; Voronezh; Central Chernozem region; collectivization.

For citation: Rylov V. Ju., Zverkov E. A. 2020. Workers' and peasants' militia of the Ostrogozhsky district of the Central Chernozem region at the beginning «the great turning point». *Via in tempore. History and political science*, 47 (3): 580–588 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-580-588.

Как известно, «великим переломом» называют курс И.В. Сталина на форсированную индустриализацию промышленности и коллективизацию сельских хозяйств, проводимый ВКП(б) с конца 1920-х гг. На XV съезде партии в 1927 г., на котором была провозглашен курс на индустриализацию и коллективизацию, Сталин отмечал, что «... нужно систематически улучшать государственный аппарат, сближать его с массами, обновлять его за счет новых, преданных делу рабочего класса людей, переделывать его в духе коммунизма, а не ломать его, а не развенчивать его. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил: “Без аппарата мы бы давно погибли. Без систематической, упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма”» [Сталин, 1928, с. 64–65].

Канун «великого перелома» требовал от партийно-советских органов напряженной работы. Этим объясняется волна чисток, прошедших в партийном, советском и хозяйственном аппаратах, и очередная административно-территориальная реформа, проводившаяся большевиками. Тогда же вместо Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО), существование которой как раз и совпало с периодом «великого перелома» 1928–1934 гг. Партийные власти официально заявляли о том, что образованная ЦЧО «... в хозяйственном и природном отношении является очень однородной, более однородной, чем ряд других областей. Губернии ЦЧО... почти не отличаются друг от друга ни природными, ни хозяйственными признаками»¹¹⁴. Губернии, уезды и волости были заменены на область, округа и районы. Сельсоветы, как и некоторые районы, появились ранее. Таким образом, область стала гораздо больше прежней губернии, округ включал несколько прежних уездов, район – волостей, границы сельсоветов в ряде случаев также менялись. Округа просуществовали до 1930 г., а потом были упразднены. В итоге в 1934 г. вернулись к прежней системе, изменив привычные названия – губернии стали называться областями, а уезды – районами, функции волостей перешли сельсоветам. Очевидно, заявленная экономическая целесообразность реформы не оправдалась.

Кроме того, была проведена реформа исполкомов. Вместо прежних отделов управления (губернских, уездных и волостных) были образованы административные отделы (областные, окружные, районные и сельсоветов). На адм.отделы были возложены прежние функции – обеспечение общих вопросов управления подконтрольными территориями, в частности управление органами милиции.

Изучение поставленной проблемы рассматривалось авторами с позиции учёта организационно-правового наследия эпохи Гражданской войны и вытекающих из неё проблем, связанных с отсутствием продуманной и независимой структуры правоохранительных органов, в том числе и судебной системы, находившихся в затяжной фазе своего становления.

Необходимо отметить, что знакомство с документами милиции приводит к мысли о том, что она является во многом недооцененным органом при рассмотрении деятельности партийно-государственного и карательного аппаратов. Дело в том, что местный аппарат ОГПУ, преемник ВЧК, был довольно слаб. Так, руководители ЦЧО – секретарь обкома

¹¹⁴ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИ ВО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

И.М. Варейкис и председатель облисполкома Ф.П. Грядинский – сообщали в ноябре 1928 г. председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому:

«В связи с районированием ЦЧО и созданием Окружных и Районных центров до этого сильный уездный аппарат органов ОГПУ расформирован и, в связи с этим, создан районный.

Положение, при котором на все 183 района органами ОГПУ дано для обслуживания последних всего лишь сорок Райуполномоченных, по нашему мнению, является совершенно ненормальным, принимая во внимание, что в среднем на каждый район в условиях ЦЧО падает до 50 000 жителей. Значительное большинство Райкомов ВКП/б/ и Районных Исполкомов поставили перед Окружными и Областными Организациями вопрос о доведении штата Райуполномоченных ОГПУ до одного на каждый район, что предусмотрено и Конституцией (Не совсем понятно, о чем идет речь. В конституции СССР 1924 г. ОГПУ упоминается в главе IX «Об объединенном государственном политическом управлении» и в главе VII «О Верховном суде Союза ССР», но там об уездных и районных отделах ГПУ нет ни слова. ОГПУ совсем не упоминается в конституции РСФСР 1925 г. – *Авт.*).

Учитывая эти требования и все увеличивающуюся активность антисоветского элемента деревни, невозможность оказания материальной помощи органами ОГПУ в ЦЧО (госбюджетному учреждению), в связи с дефицитностью областного бюджета мы настоятельно просим ОГПУ пересмотреть вопрос в отношении органов ОГПУ в ЦЧО – в сторону усиления его областного аппарата и доведения районного аппарата до одного уполномоченного на район»¹¹⁵.

Таким образом, в тех конкретных условиях, особенно в сельской местности, где часто отсутствовала инфраструктура – дороги и связь, местный советский аппарат нуждался в серьёзном усилении, а нередко и физически находился очень далеко, именно на милицию ложилась вся нагрузка по проведению в жизнь официальных решений и фактическому управлению сельскими территориями.

На протяжении последних лет правоохрнительная система Центрального Черноземья уверенно вошла в круг интересов историков. Часть работ, посвящённых милиции второй четверти XX века, носит очерковый характер и посвящена общей оценке деятельности ведомства. Таковы, к примеру, труды по истории воронежской [Смирных, 2002] и орловской милиции [Щендригин, Бульжкин, 2003]. Проблемам комплектования воронежской милиции посвящены работы Н.А. Алексанян [Алексанян, 2015]. Активно изучаются как составные элементы правоохрнительной системы – суд [Осадчая, 2005], прокуратура [Филоненко, 2009; Крыжан, 2010], так и общетеоретические проблемы [Пикалов, 2007; Ельчанинов, 2018]. Заметный вклад в изучение милиции межвоенного периода вносит курская исследовательница С.Н. Токарева [Токарева, 2013]. Нельзя не отметить оригинальную работу А.А. Дороша, посвящённую борьбе органов ОГПУ с религиозными «чудесами» [Дорош, 2019].

В трудах, посвящённых советской правоохрнительной системе межвоенного периода, наблюдается негласное деление на «гражданский» и «ведомственный» подходы. Так, если гражданские историки чаще всего занимают критическую или даже обличительную позицию, то ведомственные исследователи останавливаются на положительных аспектах деятельности милиции [Кузьминых, 2019, с. 170]. Ни один из указанных подходов не выдерживает проверки практикой. В частности, мы можем видеть это на примере деятельности милиции Острогожского округа Центрально-Чернозёмной области накануне «великого перелома». В качестве основного источника авторами используется доклад начальника окружного административного отдела Острогожска о деятельности местной милиции за октябрь 1928 – ноябрь 1929 годов. Доклад наполнен стандартными бюрократическими

¹¹⁵ ГАОПИ ВО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 9.

тическими формулировками. В частности, это касается выделения приоритетных направлений в деятельности милиции:

- 1) Проведение революционной законности.
- 2) Охрана общественной безопасности.
- 3) Приближение аппарата к населению (отсылка к упомянутому выступлению И. Сталина).

4) Борьба с бюрократизмом (на XV съезде партии немало говорилось о борьбе с бюрократизмом и волокитой, о чем специально упомянул И.В. Сталин).

Становление советской милиции проходило достаточно долго и тяжело, о чём свидетельствует и представленный доклад.

Непростой оставалась социально-экономическая ситуация, росла преступность. Можно выделить следующие факторы усиления криминогенной ситуации в СССР во второй половине 1920-х годов:

1) Нарастание социально-экономической напряжённости, связанной с ликвидацией НЭПа и переходом к ускоренной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

2) Негативные последствия Гражданской войны.

3) Общий низкий уровень профессионализма кадров милиции на местах.

4) Расплывчатость полномочий и чрезмерно раздутый перечень обязанностей милиции, мешавший сосредоточиться на борьбе с преступностью.

Косвенно, а местами и недвусмысленно об этом говорится в рассматриваемом докладе. В частности, составитель документа намекает, что одной из причин высокого уровня преступности являются последствия «колесниковщины» (повстанческой группы И. Колесникова, действовавшей на территории Воронежской губернии в 1920–1921 гг.), а также ссылка в окрестности Острогожска преступников.

Криминогенная ситуация в Острогожском округе имела чёткую негативную тенденцию. На указанной территории процветали вооружённые грабежи, убийства, кража скота, бандитизм¹¹⁶.

В первую очередь недостаточная эффективность в профилактике и предупреждении преступности была связана с кадровым составом милиции, неспособным к эффективному противодействию криминалу. Мы можем выделить несколько «болевых точек» кадрового состава милиции.

Во-первых, отсутствие образования и специальной подготовки у многих сотрудников. Известно, что вплоть до 1950-х годов большинство сотрудников милиции губернии не имели не только юридического образования, но даже среднего или средне-специального. Даже руководители районных отделов милиции в большинстве случаев ограничивались краткосрочными милицейскими курсами. Из всего штата окружной Острогожской милиции такие курсы закончили только 17 человек.

Особенно остро проблема грамотности кадров стояла в первое десятилетие образования СССР. Проблему усугубляла навязчивая идея компартии о необходимости комплектования органов милиции преимущественно представителями рабочих и сельской бедноты. Тотальная неграмотность главного поставщика кадров милиции наносила ущерб не только оперативной работе, но и авторитету милиции в целом. Тем не менее в соответствии с «политическим моментом» начальник милиции полагал, что исправить ситуацию поможет дополнительное комплектование милиции «бедняцко-батрацким слоем» (в отчёте таковых имелось 189 человек из 270).

Во-вторых, подавляющее большинство сотрудников имели незначительный опыт службы, что на протяжении многих лет являлось одной из главных проблем ведомства. На

¹¹⁶ ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 105 об.

1929 год почти 40 % личного состава Острогожской милиции – 97 человек – служили менее года, 91 сотрудник имел стаж службы до 3-х лет¹¹⁷.

В-третьих, на низком уровне оставалась служебная дисциплина: имели место пьянство и даже связь с уголовным миром. За нарушения служебной дисциплины в результате проверки личного состава в ноябре-декабре 1928 года было уволено 80 человек (четверть личного состава!). Ещё 50 – по неуказанной причине. Есть основания полагать, что вторая группа уволенных не подходила по т. н. «классовой принадлежности». Подобные чистки по причине профессиональной непригодности не были чем-то особенным и проводились в Воронежской губернии и ранее¹¹⁸. Несколькими годами ранее в самом Острогожском уезде имелись случаи разоружения отдельных подразделений милиции как разложившихся и замешанных в грабеже местных жителей [Рылов, 2011].

В слабой квалификации сотрудников признавалось и руководство милиции, считая это одной из причин сравнительно невысокой раскрываемости краж.

Кроме вышеуказанного, сказывался некомплект кадров и непропорциональность имеющегося числа сотрудников количеству населения – так, в Острогожском округе на одного милиционера приходилось порядка 4 тысяч человек населения. Напомним, что численность жителей Острогожского округа составляла более 900 тыс. чел. [Прокофьева, 2007, с. 40]. Частично это компенсировалось введением в 1924 г. института «сельских исполнителей» – местных жителей, которые в очередном порядке по распоряжению сельсовета выполняли функции охраны правопорядка в течение двух месяцев. В Острогожском округе насчитывалось порядка 4 тысяч сельисполнителей¹¹⁹.

Трудности набора кандидатов на службу добавляло сравнительно невысокое материальное обеспечение милиционеров. Так, в письме Центрального аппарата Управления НКВД РСФСР в СНК РСФСР в июле 1927 года указывалось, что многие губернии не выплачивают установленный постановлением ВЦИК и СНК от 2 февраля 1926 года минимум зарплаты [Целуйко, 2010, с. 43].

Особняком стоит созданная в 1924 году постановлением СНК от 6 февраля 1924 года ведомственная милиция. Её главная задача состояла в охране имущества предприятий и организаций, советских учреждений и других народно-хозяйственных объектов от краж, хищений и иных противоправных деяний, охрана порядка на данных объектах [Ерин, 2011, с. 52]. Эти же предприятия осуществляли финансирование ведмилиции. Характер службы ведмилицией и её отношений с предприятиями несколько напоминает рабочую милицию образца 1917 года, которая также преимущественно занималась охраной конкретных предприятий, за чей счёт и существовала. Правда, тогда она носила негосударственный характер и формировалась за счёт работников самого предприятия.

В Острогожском округе таковых сотрудников имелось 428 человек. Отчёт, однако, довольно скупо описывает их деятельность, упомянув только, что «сетью Ведмилиции охвачено большинство Госпромышленных и торговых предприятий округа»¹²⁰. Нет ни характеристики работы структуры, ни статистических данных о количестве заключённых договоров или выявленных правонарушений.

Проведённые в отношении районных отделений милиции проверки показали неутешительные итоги: сотрудники не соблюдали нормы производства дознания, нарушали порядок наложения административных взысканий, не владели оперативной ситуацией на вверенной территории. Отсутствие элементарной юридической грамотности сотрудников наводит нас на простой вопрос – чем же в таком случае руководствовались милиционеры в своей повседневной деятельности? Насколько среди крестьян-милиционеров сохранялась привычка действовать в рамках т. н. «обычного права», столь распространённо-

¹¹⁷ Там же. Л. 106.

¹¹⁸ Государственный архив Воронежской области (далее ГА ВО). Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 199. Л. 91 об.

¹¹⁹ ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 107.

¹²⁰ Там же. Л. 106 об.

го в России до 1917 года? Как изменилось за десять лет после революции 1917 года правосознание крестьян, составлявших львиную долю милиционеров округа, если ещё пару десятилетий назад, как отмечал М.Д. Карпачёв, «абсолютное большинство общинников... не обладало элементарными представлениями о законности» [Карпачёв, 2012, с. 18]. Все эти вопросы пока остаются нерешёнными.

Во многом работе милиции мешало возложение на неё многочисленных, не свойственных ей обязанностей – например, в период хлебозаготовки, взыскивание просроченных ссуд, участие в избирательных кампаниях и т. д. К слову, милиция и раньше жаловалась на поток задач, не имеющих прямого отношения к деятельности милиции. Так, Управление Воронежской губмилиции ещё в 1922 году указывало, что милиция «исполняла какую угодно работу... она сплошь и рядом отвлекается... то на продроботу, то на проведение целого ряда других кампаний»¹²¹.

В рамках «приближения аппарата к населению» на милицию возлагалась обязанность отчитываться перед общественностью о проделанной работе. Характерно, что жители негативно оценивали деятельность милиционеров, указывая на неудовлетворительную борьбу с кражами, подпольной торговлей алкоголем, хулиганством; выражали недовольство низкой квалификацией сотрудников¹²².

Круг обязанностей милиции был внушителен. В частности, милиция отвечала за учёт лиц, лишённых избирательных прав, антирелигиозную работу (отмечалось, что за отчётный год закрыты 8 церквей и столько же «предположено к ликвидации»), учёт иностранных граждан и подданных, работу ЗАГСов, адресных столов и выдачу удостоверений личности, содействие сбору налогов, исполнению повинностей, охрану железных дорог, содействие военному ведомству и т. д.

Неудивительно, что немногочисленный штат сотрудников не мог полностью сосредоточиться на своей основной работе – борьбе с преступностью.

В октябре 1928 – сентябре 1929 годов в Острогожском округе было зарегистрировано 10 716 преступлений. Самым массовым оказались должностные преступления (в т. ч. взятки, подлог, растрата, присвоение) – 3 585 случаев. К сожалению, отсутствует развёрнутая информация о сферах совершения преступлений, в т. ч. фактах совершения должностных преступлений в государственно-партийных структурах, что могло бы свидетельствовать о возросшей независимости милиции на местах от партии, что хорошо прослеживается в первые после революции годы. В этой связи интересно выделение в отчёте дифференциации должностных преступлений: «взятничество и провокация взятки», «служебный подлог», «растрата и присвоение», «присвоение и растрата» (в отчёте действительно представлены две графы с такими формулировками), «другие должностные преступления». С другой стороны, намёки на коррумпированность местной власти были бессмысленны, т. к. доклад был предназначен Президиуму Острогожского Окрисполкома.

Вторая по численности группа – кражи. В отчётный период их зафиксировано 2 131, что является довольно высоким показателем.

Далее следуют преступления против порядка управления и контрреволюция – 1 847 случаев. Однако без ознакомления со следственными делами совершенно не ясны критерии квалификации преступления как «контрреволюционного». Фактически сюда могло входить что угодно – от избиения члена партии до кражи государственного имущества.

Из наиболее серьёзных преступлений в порядке убывания можно выделить хулиганство (568), приготовление и сбыт спиртных напитков (306), кража скота (189), убийства (128), грабёж и разбой (106), бандитизм (80).

За исключением хулиганства, все основные виды преступности претерпели значительный рост по сравнению с 1928 годом. Так, кражи скота увеличились на 27 %, убий-

¹²¹ ГА ВО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 185. Л. 37.

¹²² ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 108.

ства – на 20 %, разбой – на 49 %, бандитизм – на 63 %. Одним из факторов, косвенно, а иногда и прямо влияющим на такие виды преступности как убийства и хулиганство, является употребление населением алкоголя. Как уже отмечалось, за указанный период милицией были зарегистрированы 306 дел за приготовление и сбыт алкогольной продукции (чаще всего – самогона). При этом в административном порядке за самогонование были привлечены 985 человек, задержано за пьянство – 1 336 человек.

Руководство милиции не имело ясного представления о причинах бурного роста числа преступлений. Отчасти была сделана попытка объяснить это многочисленными фактами бегства преступников из-под ареста и мест заключения, а отчасти – совершенно абсурдными доводами: «Повышение скотокрадства объясняется большей частью плохим содержанием скота в хозяйстве без присмотра»¹²³. В свою очередь, повышение поджогов и убийств связывалось с «террористическими актами, совершаемыми на почве классового расслоения». В данном случае речь шла о сопротивлении крестьян хлебозаготовкам и начавшейся коллективизации.

Судя по тону документа, в работу милиции регулярно вмешивались прокуратура и «судебно-следственные органы», которые «дают надлежащие указания, направленные к усовершенствованию работы органов дознания»¹²⁴.

Таким образом, милиция Острогожского округа в начале «Великого перелома» столкнулась с рядом сложностей – нехваткой сотрудников и недостаточной квалификацией многих из них, ростом задач, не относящихся напрямую к деятельности милиции, вмешательством в деятельность милиции партийных органов, органов суда и прокуратуры, низким материальным обеспечением работников. Ситуацию усугубляли рост преступности и начавшаяся административная реформа, потребовавшая перестройки текущей деятельности в соответствии с новыми границами, которые далеко не всегда совпадали с привычными границами волостей и уездов. Пожалуй, самым неприятным следствием вышеописанной ситуации было негативное отношение к деятельности милиции местного населения, которое не желало вникать в существующие трудности и требовало немедленного, видимого улучшения криминогенной ситуации.

Список литературы

1. Алексанян Н.А. 2015. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917–1922). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 11 (61). Ч. II: С. 16–27.
2. Дорош А.А. 2019. Борьба Воронежского губернского отдела ОГПУ с «чудесными явлениями» в середине 1920-х гг. Известия ВГПУ. 2 (283): 180–182.
3. Ельчанинов П.М. 2018. Преступность в советской провинции и борьба с ней в 1921–1928 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 236.
4. Ерин Д.А. 2011. Правовые основы регулирования деятельности ведомственной милиции по охране частных предприятий и учреждений РСФСР (1924–1928 гг.). Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 1: 52–55.
5. Карпачёв М.Д. 2012. Правосознание крестьян Воронежской губернии накануне столыпинских аграрных реформ. Вестник ВГУ. Сер. Право. 1: 14–23.
6. Крыжан А.В. 2010. Становление и развитие местных органов советской юстиции. 1917–1922 гг.: на материалах Курской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 160.
7. Кузьминых А.Л. 2019. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии. *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. Т. 3. № 1: 146–211.

¹²³ ГАОПИ ВО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об.

¹²⁴ Там же. Л. 112 об.

8. Осадчая Л.Г., 2005. История становления и развития советской судебной системы в 1917–1928 гг.: на материалах Курской губернии. : Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: 218.
9. Пикалов Б.В. 2007. Правоохранительные органы и проблема прав человека в российской провинции: 1917–1953 гг.: на примере Курского региона. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск: 197.
10. Прокофьева Е.Ю. 2008. Из истории районирования территории Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО). Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. 1 (41): 36–43.
11. Рылов В.Ю. 2011. «Рожденная Революцией»: к вопросу о социокультурном облике советской милиции. Общество и власть в России: проблемы взаимодействия XV – начало XX в.: межвузовский сборник научных работ. Воронеж, ВГУ: 223–226.
12. Смирных В.М. 2002. Почти военная организация: очерки истории воронежской милиции 20-х гг. XX в. К 200-летию МВД России. Воронеж, ВГАУ, 190.
13. Токарева С.Н. 2016. Милиция Черноземного центра России в начале 1920-х годов: характеристика кадрового состава. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2: 198–205.
14. Филоненко В.С. 2009. Деятельность органов прокуратуры Воронежской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 216.
15. Целуйко А.В. 2010. Социальная и правовая защита сотрудников органов внутренних дел периода 1917–1940 гг. XX века. Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД. 1 (14): 42–46.
16. Щендригин Е.Н., Булыжкин А.В. 2003. Орловская милиция (1917–1928 гг.): историко-правовой очерк. Орел, Труд, 200.

References

1. Aleksanyan N.A. 2015. Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskoj milicii Voronezhskoj gubernii v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1922) [Formation and activity of the Soviet militia of the Voronezh province during the Civil war (1917–1922)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 11 (61). CH. II: S. 16–27 (in Russian).
2. Dorosh A.A. 2019. Bor'ba Voronezhskogo gubernskogo otdela OGPU s «chudesnymi yavleniyami» v seredine 1920-h gg. [The struggle of the Voronezh provincial Department of the OGPU with «miraculous phenomena» in the mid-1920s.]. Izvestiya VGPU. 2 (283): 180–182 (in Russian).
3. El'chaninov P.M. 2018. Prestupnost' v sovetskoj provincii i bor'ba s nej v 1921–1928 gg. (na materialah Kurskoj i Voronezhskoj gubernij) [Crime in the Soviet province and the fight against it in 1921–1928 (based on the materials of the Kursk and Voronezh provinces)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 236 (in Russian).
4. Erin D.A. 2011. Pravovye osnovy regulirovaniya deyatel'nosti vedomstvennoj milicii po ohrane chastnyh predpriyatij i uchrezhdenij RSFSR (1924–1928 gg.) [Legal basis for regulating the activities of departmental police to protect private enterprises and institutions of the RSFSR (1924–1928)]. Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 1: 52–55 (in Russian).
5. Karpachyov M.D. 2012. Pravosoznanie krest'yan Voronezhskoj gubernii nakanune stolypin-skih agrarnyh reform [Legal awareness of the peasants of the Voronezh province on the eve of the Stolypin agrarian reforms]. Vestnik VGU. Ser. Pravo. 1: 14–23 (in Russian).
6. Kryzhan A.V. 2010. Stanovlenie i razvitie mestnyh organov sovetskoj yusticii. 1917–1922 gg.: na materialah Kurskoj gubernii [Formation and development of local bodies of Soviet justice. 1917–1922: on the materials of the Kursk province]. Dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 160 (in Russian).
7. Kuz'minyh A.L. 2019. Organy vnutrennih del sovetskogo gosudarstva v period stalinizma v kontekste otechestvennoj istoriografii [Internal Affairs bodies of the Soviet state in the period of Stalinism in the context of national historiography]. Historia Provinciae – Zhurnal regional'noj istorii. T. 3. № 1: 146–211 (in Russian).
8. Osadchaya L.G., 2005. Istoriya stanovleniya i razvitiya sovetskoj sudebnoj sistemy v 1917–1928 gg.: na materialah Kurskoj gubernii [History of the formation and development of the Soviet judicial system in 1917–1928: on the materials of the Kursk province]. : Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh: 218 (in Russian).
9. Pikalov B.V. 2007. Pravoohranitel'nye organy i problema prav cheloveka v rossijskoj provincii: 1917–1953 gg.: na primere Kurskogo regiona [Law enforcement agencies and the problem of hu-

man rights in the Russian province: 1917–1953: on the example of the Kursk region]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk: 197 (in Russian).

10. Prokofeva E.Yu. 2008. Iz istorii rajonirovaniya territorii Central'no-Chernozyomnoj oblasti (CCHO) [From the history of zoning in the Central Chernozem region]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. 1 (41): 36–43 (in Russian).

11. Rylov V.Yu. 2011. «Rozhdennaya Revolyuciej»: k voprosu o sociokul'turnom oblike sovetsoj milicii [«Born by Revolution»: on the question of the socio-cultural appearance of the Soviet militia]. Obshchestvo i vlast' v Rossii: problemy vzaimodejstviya XV – nachalo XX v.: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh rabot. Voronezh, VGU: 223–226 (in Russian).

12. Smirnyh V.M. 2002. Pochti voennaya organizaciya: ocherki istorii voronezhskoj milicii 20-h gg. XX v. K 200-letiyu MVD Rossii [Almost military organization: essays on the history of the Voronezh militia of the 20s of the XX century to The 200th anniversary of the Ministry of internal Affairs of Russia]. Voronezh, VGU, 190 (in Russian).

13. Tokareva S.N. Miliciya Chernozemnogo centra Rossii v nachale 1920-h godov: karakteristika kadrovogo sostava [Police of the Chernozem center of Russia in the early 1920s: characteristics of personnel]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2: 198–205 (in Russian).

14. Filonenko V.S. 2009. Deyatel'nost' organov prokuratury Voronezhskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Activities of the Prosecutor's office of the Voronezh region during the great Patriotic war of 1941–1945]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 216 (in Russian).

15. Celujko A.V. 2010. Social'naya i pravovaya zashchita sotrudnikov organov vnutrennih del perioda 1917–1940 gg. XX veka [Social and legal protection of employees of internal Affairs bodies of the period 1917–1940 Of the twentieth century]. Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD. 1 (14): 42–46 (in Russian).

16. Shchendrigin E.N., Bulyzhkin A.V. 2003. Orlovskaya miliciya (1917–1928 gg.): istoriko-pravovoj ocherk [Orel militia (1917–1928): historical and legal essay]. Orel, Trud, 200 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рылов Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия.

Зверков Евгений Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Rylov, candidate of historical sciences, assistant professor of Departments of modern Russian history, historiography and documentation of Voronezh State University, Voronezh, Russia

Evgeny A. Zverkov, candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of socio-humanitarian disciplines, Voronezh Institute of Interior Affairs of Russia, Voronezh, Russia